

МУСОРГСКИЙ прожил короткую жизнь — всего сорок два года. «Седым юношей» называл он сам себя.

Но жизнь художника измеряется творениями его, а жизнь Мусоргского огромна и значительна для нас; мысли художника проверяются их нужностью людям, — идеи, вдохновлявшие Мусоргского, стали в наши дни ведущими идеями.

«Всего себя без остатка подай людям... Только не лги — говори правду... Искусство не цель, а сред-

ство для беседы с людьми», — утверждал композитор всем своим творчеством, всей жизнью.

Он умер в сорок два года в военном госпитале, куда его устроил товарищ как своего денщика. У Мусоргского не было ни дома, ни семьи, ему умереть-то негде было... А был он по рождению дворянином, по воспитанию — гвардейским офицером. Он мог прожить долгую обеспеченную и бездумную жизнь. Но выбрал для себя иной путь — путь трудный и трудовой.

В пору Мусоргского его современник — поэт Некрасов писал:

Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан.

И Мусоргскому его долг гражданина продиктовал самую трудную и самую важную тему: «Народ хочется сделать: сплю и вижу его, ем и помышляю о нем, пью, и мерещится мне он, он один, цельный, большой, неподкрашенный и без сусального», — писал композитор в письме к Илье Репину, великому русскому художнику. Мусоргский называл Репина «коренником», а себя и скульптора Марка Антокольского «пристязными» в «тройке», ведущей вперед русское искусство.

Композитор выбирал сюжетом своих опер самые напряженные моменты русской истории.

«Красная площадь. Сердце Москвы. Собор Василия Блаженного. По ступеням его поднимается на-

ГРАЖДАНИН ЗЕМЛИ РУССКОЙ

молившую царя. А к нему со всех сторон на коленях, зияя дырами рубищу, протянув костлявые руки, ползут, стонут, требуют: «Хлеба! Хлеба голодным!» Это сцена из оперы Мусоргского «Борис Годунов»...

А вот другая сцена: лесная прогалина. Толпы людей — буйных, хмельных от горячи и гнева. Они уже не молят о хлебе. Они горжествуют свою силу: «Раскодилась, разгулялась сила молодецкая», — поет хор...

Так впервые в истории русской музыкальной культуры на сцену императорского театра вышел иероглиф народа. Русский — истерзанный и гневный, мечтающий о свободе. И вывел его первым Мусоргский.

«Я разумею народ, как великую личность, одушевленную единой идеей».

В опере «Хованщина» единая судьба России связала разных людей. Это сознанные с земель своих крестьяне, одичавшие от голода, готовые к бунту (они придут позднее к Пугачеву). А рядом с ними стрельцы. Бородатые дети — могучие и неразумные, готовые и к резне, и к плахе. Где их правда? А

ЗАВТРА ИСПОЛНЯЕТСЯ 125 ЛЕТ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО
РУССКОГО КОМПОЗИТОРА
МОДЕСТА ПЕТРОВИЧА
МУСОРГСКОГО

раскольники — фанатики и изуверы, заживо горящие в огне ради старой, уходящей Руси...

В народных драмах Мусоргского неразрывно сплетены судьбы народные и отдельные человеческие жизни: и царя Бориса, и раскольницы Марфы, и маленького, обиженного природой и людьми Юродивого.

Гениальный композитор и гениальный драматург, он поднимал могучие пласты истории, сплавляя в горниле творческой фантазии правду и вымысел, воплощая их в могучих музыкальных образах.

Поразительна многогранность Мусоргского. Среди его оперного наследия живым народным юмором и жизненностью ситуаций блещут комические оперы «Денитьба» и «Сорочинская ярмарка».

А его романсы! Каждый — «маленькая трагедия». Например, в цикле на стихи Голенищева-Кутузова «Песни и пляски смерти» лю-

бой образ поражает трагической глубиной и законченностью. Пьяный мужичонка, приплясывая, идет по завьюженной степи, и чудится ему, что лето пришло, и цветы, и тепло. И хорошо-то ему стало впервые в жизни... А это смерть его согрела. Какой страшный образ нужды и отчаяния возникает в «Трепаке» Мусоргского. Как находит он «пустые» аккорды для бескрайней степи; пьяненько-дробный пляс, вырастающий в стихию, — в звучании рояля... Композитор «лепит» зримый образ в каждом из своих творений.

Сколько нежности и гениального «чувства детства» было у этого одинокого человека, когда писал он свою «Детскую». Сергей Образцов рассказывает, что в какой бы точке земного шара он ни исполнял «Колыбельную с куклой» Мусоргского, люди всегда заворожено молчат, даже когда он уходит со сцены, боясь спугнуть наивную доверчивость бесхитростной детской песенки...

Мусоргский вошел в историю русского искусства как гениальный новатор. Его угловатой, резкой, могучей речи чуждо всякое кокетство. Ее природа — русский народный говор. Она лаконична и предельно выразительна. Выхваченные живь-

ем из жизни речитативы сами становятся характеристиками. Вспомните хотя бы сцену — поединка царя Бориса и князя Шуйского, когда вкрадчивый жмный Шуйский пытается Бориса разговором о Дмитрие и кричит обезумевший от душевных мук царь...

А комическая «любовная» сцена Хавроньи Никифоровны и Поповича из «Сорочинской ярмарки». Сколько в ней по-украински теплых песенных фраз, и как они весело противопоставлены елеинному «уерковному» говорку Поповича...

А сколько запальчивой страсти в речах самозванца в сцене у фонтана из «Бориса Годунова»! И как эту страсть смирят певучее, властное и чарующее коварство Марины Мнишек...

Мусоргский гениально чувствует жизнь в ее контрастах, в ее живом биении. Даже резкие и суровые гармонии его продиктованы могучим напором жизни.

«Жизнь, где бы ни сказалась, правда, как бы ни была солона, смелая, искренняя речь к людям в упор, вот моя завадка, вот чего я хочу!» — говорил композитор.

Музыка его и сегодня продолжает раскрывать нам все новые глубины. Оперы Мусоргского звучат на сценах Москвы, Лондона, Рима, Парижа... Крупнейшие русские певцы в операх Мусоргского ищут вершин своего мастерства. Так, например, Шаляпин в «Борисе

Годунове» пел в один вечер все три басовые партии — царя Бориса, летописца Пимена и монаха Варлаама. Совсем недавно солист Большого театра Иван Петров покорила парижан в роли царя Бориса. Роль Юродивого считается лучшей в теноровом репертуаре прославленного советского певца Ивана Козловского.

Мусоргский продолжает жить и в творчестве других композиторов, и не только русских. Достаточно вспомнить, с какой влюбленностью относились к нему прославленные мастера Францис Дебюсси и Равель. Свидетельство тому — сделанная Раавелем инструментовка «Картинок с выставки» Мусоргского, в которой француз гениально постигает национальную природу и характер русского композитора.

...А разве сегодня, слушая «Патетическую ораторию» советского композитора Георгия Свиридова на стихи Маяковского, мы не узнаем в ней могучую стихию Мусоргского? А «Катерина Измайлова» Дмитрия Шостаковича? Разве в размахе этого мастера вы не угадываете хватку того, кто мечтал «выйти победителем и сказать людям новое слово дружбы и любви; прямое и во всю ширь русских полей, правдой звучащее слово скромного музыканта, но бойца за правую мысль в искусстве».

С. ВИНОГРАДОВА,
музыковед

Литографюра Б. МОТОВИЛОВА